

Всякие слова вроде «наложи», «велю» или «явись» — это разновидности указующих заклятий. Они позволяют подчинять людей и управлять духами, принуждая сторону, на которую наложено заклятье, выполнять волю заклинателя. Подумать только, до чего же бессердечный человек это сотворил: чтобы указующее заклятие подействовало, он даже вырвал у Минь-гуна глазные яблоки.

Цзян Чжо произнёс:

— Эти два иероглифа выведены из рук вон плохо, я сотру их для тебя.

Сказав это, он поднял руку и стёр с тела Минь-гуна оба иероглифа «наложи». Но даже после этого Минь-гун не смог прийти в себя. Цзян Чжо видел, что чешуя на его теле осыпалась и покрылась пятнами, а внутренняя духовная энергия едва теплилась, и понял, что долго тому не протянуть.

Минь-гун неожиданно обрадовался, опустил голову к самым ногам Цзян Чжо и его вырвало. Цзян Чжо отступил на шаг:

— Впрочем, благодарить меня столь усердно вовсе не обязательно...

Раздались два глухих звука: «плюх, плюх» — и Минь-гун изврг из себя несколько трупов. Пробыв в его брюхе столь долгое время, тена полностью смешались с илистой жижей и разложились, превратившись в единую склизкую массу. Цзян Чжо пригляделся и разглядел несколько тонких, исхудавших рук — должно быть, это останки тех девочек, которых бросали в реку в жертву божеству.

Цзян Чжо вздохнул:

— Похоже, ты, как и Саньян, людей не ешь и человеческие жертвоприношения не любишь.

Судя по обрывкам фраз, услышанным от покойного учёного, старейшина Тыквенный Дух обучил того какой-то зловещей и отвратительной технике. Из-за этого учёный решил, будто стоит ему скормить людям достаточное количество жертв, как ему удастся призвать Тайцина. Затем учёный воспользовался указующим заклятием и превратил Минь-гуна в котел для варки злобы, заставляя не только себя самого, но и самого речного владыку пожирать людей.

Цзян Чжо спросил:

— Ты отдаёшь их мне, чтобы я предал их земле?

Минь-гун покружил вокруг Цзян Чжо, и от тел на земле заструился бледный фосфоресцирующий свет. Мгновение спустя над останками поднялись один, второй... бесчисленные призраки. Лица у них были мертвенно-бледными, а тела — призрачными и зыбкими, точно дымка. Девочки то садились, то парили в воздухе, тесно прижавшись к Минь-гуну и глядя на Цзян Чжо пустыми глазами.

Цзян Чжо промолвил:

— Я понял: ты боишься, что после твоего рассеяния они станут бродячими призраками и попадутся кому-нибудь в лапы...

Не успел он договорить, как пламя путеводного фонаря резко взметнулось вверх. Огонек тотчас загорелся жадным предвкушением, из него вырвалось несколько злых духов, которые бросились вперёд! Цзян Чжо никак не ожидал столь внезапной напасти: этот фонарь вышел из-под контроля!

Призраки испуганно завизжали, и в их криках послышалась свирепая злоба, полоснувшая Цзян Чжо по ушам. Минь-гун резко взмахнул хвостом, отбросил путеводный фонарь и заслонил собой призраков, издав угрожающее шипение.

Сердце Цзян Чжо ухнуло в пропасть:

— Ах вы, мерзавцы!

Кто бы мог подумать, что злые духи внутри фонаря окажутся донельзя свирепыми: пренебрегая приказами Цзян Чжо, они единой толпой ринулись на Минь-гуна.

Не успев и глазом моргнуть, Цзян Чжо носком сапога подбросил валявшийся рядом обломок камня и пнул его в сторону путеводного фонаря. Камень с глухим стуком врезался в корпус фонаря и сбил его на землю, а заодно отбросил назад всю стаю злых духов.

Воспользовавшись моментом, Цзян Чжо выкрикнул заклинание:

— Сожжение в Пепел!

Злые духи тут же вспыхнули кармическим огнем и в пару мгновений обратились в пепел. Цзян Чжо подошёл и поднял путеводный фонарь — от него всё ещё веяло остаточным теплом кармического огня. Маленький бумажный человек неведь когда поднялся на ноги и тоже с любопытством «оглядывал» фонарь. Цзян Чжо повертел его в руках, подушечками пальцев проверяя, не наложил ли кто на артефакт заклития.

Когда-то этот фонарь был одним из двух светильников, что горели перед статуей краснозолотой огненной рыбы. Помимо уцелевшего, существовал ещё второй, который разбили в день кражи. Цзян Чжо поначалу думал, что у него просто вынули фитиль, но теперь оказалось, что с ним проделали и другие манипуляции. Жаль только, что тот, кто колдовал над ним, действовал предельно осторожно и не оставил ни малейшего следа.

Эту вещь больше нельзя использовать, — Цзян Чжо запечатал её защитным заклинанием и сунул в рукав. — Пойдём дальше в темноте.

Он вернулся к Минь-гуну, подобрал с земли чешуйку и сказал:

— Мне так нравится эта чешуйка, подаришь её мне?

Минь-гун уже выбился из сил, но, услышав его слова, едва заметно кивнул в знак согласия. Цзян Чжо сжал чешуйку в руке и заговорил совсем о другом:

— Раз уж я принял твой подарок, то должен исполнить твою волю. Но ты ведь знаешь, что мёртвых не вернуть к жизни, и даже повторное сошествие Цзюму не спасёт их. Я могу лишь отнести их в горы и леса, а потом вылепить им глиняные тельца, чтобы они переродились горными духами.

Минь-гун никак не отреагировал.

Цзян Чжо заверил его:

— Не бойся, пока мои чары при них, никому не дозволено будет их поймать.

Только тогда Минь-гун снова кивнул. Слепой питон, угасающий на последнем издыхании, — неужели он думал исключительно о чужом благополучии? Как тут было не сжаться сердцу Цзян Чжо? Жалко только его: добрая слава растоптана человеком, а после рассеяния, боюсь, и имя его будет предано забвению.

Это место, глубокое и скрытое от посторонних глаз, прекрасно подходило для того, чтобы раствориться в небытии. Из-за утечки духовной энергии Минь-гуна вокруг уже разлился опьяняющий аромат, способный с лёгкостью привлечь алчных глупцов. Для проводников духов этот запах служил наивысшим эликсиром для совершенствования — иначе и быть не могло, иначе с чего бы учёному использовать Минь-гуна в качестве котла?

Цзян Чжо не стал больше задерживаться. Он собрал духов в пригоршню и, словно облачко, спрятал в рукав. Попрощавшись с Минь-гуном, он прошёл вперёд ровно сотню шагов и и впрямь наткнулся на Лестницу Вознесения. На нижней ступени лестницы были выбиты заклинания: стоило наступить на них, как они вспыхнули, и Цзян Чжо вихрем вознесло на расколотый алтарь. К счастью, у Пещеры Ученого был лишь один путь, так что, пока Цзян Чжо не ослеп, сбиться с дороги он не мог. Но стоило ему миновать свадебную дорогу, покинуть храм Минь-гуна и выйти к непроглядному речному дну, как ему оставалось лишь уповать на небеса.

— Кажется, — он сделал шаг вперёд, — я пришёл отсюда.

Бесцельно покружив на месте, он умудрился потерять даже дорогу обратно к храму Минь-гуна. Маленький бумажный человек уже сменил несколько поз и, видя, что Цзян Чжо забирается всё дальше в чащу, наконец не выдержал: он сотворил водяную ленту и обвился ею вокруг талии Цзян Чжо.

Цзян Чжо потерял бдительность:

— Братец...

Он не успел договорить «ец», как бурный поток в два счёта скрутил его тело по рукам и ногам, а затем мощный рывок увлёк его прямо к поверхности реки! Скорость была невероятной: в мгновение ока прорвав гладь воды, человека выбросило высоко в воздух.

Пожалуй, из-за риска обжечься маленький бумажный человек на сей раз ловить Цзян Чжо не стал. В вышине свистел ветер, но Цзян Чжо сообразил вовремя и подряд дважды прочёл заклинание «Исполнение Приказа», избежав падения в воду. Едва коснувшись земли, он боковым зрением заметил, как справа и слева с пронзительным звоном блеснули два стальных клинка!

— Безобразие, — увернувшись, бросил Цзян Чжо бумажному человечку. — Мы же вроде как братья, подбросил бы меня хоть в безлюдное место!

Бумажный человечек ни слова не говоря легко и невесомо нырнул в рукав Цзян Чжо. Тот уже собирался отчитать его, как вдруг услышал оклик:

— Цзян Чжиинь, — голос пришедшего сочился холодом. — Какая дерзость! Как ты смеешь снова появляться на землях моего Управления Тяньмин!

Наверху бушевала буря, вызванная рассеянием Минь-гуна — эта аномалия наверняка привлекла чиновников Управления Тяньмин, промышлявших неподалёку. И надо же им было заявиться в такой критический момент!

Стряхнув капли воды с веера, Цзян Чжо принял нарочито развязный вид:

— Куда это мне заказан путь под небесами? Подумаешь, земли Управления Тяньмин! Да я и на алтарь ваш ступлю, стоит мне, Цзян Чжиинь, только захотеть!

Пришедший гневно взревел:

— Вот как! Ну что ж, прекрасно! Похоже, за эти двадцать лет ты так и не вкусил сполна кары за своё затворничество!

Цзян Чжо усмехнулся:

— Да разве ж затворничество — это кара? А вот вы все — лизоблюды да прихвостни, прикрывающиеся чужой властью, — стали ещё отвратительнее, чем двадцать лет назад. Пока моё настроение ещё не испорчено, убирайтесь-ка отсюда по добру по здоровью!

Внезапная вставка автора:

Немного подправил текст, задержался минут на двадцать.

Покорно кланяюсь и благодарю за чтение.

Как по мановению свыше

Едва эти слова сорвались с губ, лицо пришедшего исказилось от ярости:

— Ишь ты, убирайтесь по добру по здоровью! Цзян Чжо, ты мелешь вздор и ведёшь себя дерзко и нагло! Сегодня я лично преподам тебе урок — ради Ши ИЦзюня!

Цзян Чжо холодно бросил:

— Да кто ты такой, чтобы произносить почтенное имя моего Учителя?!

Собеседник запрыгал на месте от злобы:

— Почему это не смею?! По старшинству я — твой дядя по наставнику...

Больше всего на свете Цзян Чжо ненавидел два типа людей: тех, кто не умеет ценить добро, и тех, кто кичится старшинством. Этот человек воплощал в себе обе черты разом — так стоит ли откладывать драку на потом? Раскрыв веер, он выкрикнул:

— Разрыв Шума!

В тот же миг с небес грянул раскат грома. Должно быть, не обошлось без помощи духовной энергии Минь-гуна: молнии сегодня являлись с поразительной быстротой, грохоча одна за другой практически без перерыва! Ослепительные вспышки сверкнули с дюжину раз, обратив рядовых Управления Тяньмин в бегство и заставив их в панике побросать оружие.

От злобы у противника из ноздрей чуть ли не дым повалил. Судорожно вцепившись в рукоять меча на поясе, он взревел:

— Вытягивание Лезвия!

Это был первый удар из Мечницы Пошо, означающий: «Меч обнажён, его острие сидит в ножнах, но слепое упорство не знает преград — бой будет идти до смертного конца!». Жаль только, Цзян Чжо терпеть не мог, когда кто-то пользовался приёмами секты Пошо, и сегодня он непременно заставит этого наглеца сломать клинок и спрятать его обратно в ножны!

Не отступая, а напротив, подавшись вперёд, Цзян Чжо с помощью «Исполнения Приказа» мгновенно очутился сбоку от неприятеля и, сложив веер, плашмя ударил его по тыльной стороне ладони:

— Пытаешься нарисовать тигра, а выходит собака! Удержать меч в руках не можешь, а всё притворяешься учеником секты Пошо? К тому же ваша ветвь из Чичжоу с того самого дня, как покинула гору Бэйлу, не имеет к секте Пошо никакого отношения!

Удар показался лёгким, но по силе не уступал удару молнии. Он заставил бедолагу вздрогнуть всем телом, и наполовину вытянутый из ножен клинок со звоном ушёл обратно — поистине

позорное зрелище, посрамившее его с головы до ног.

Стерпев такое унижение, противник разъярился не на шутку:

— Цзян Чжо!

Цзян Чжо невозмутимо откликнулся:

— Чего тебе? Не можешь вытянуть лезвие — иди выдёргивай сорняки, щипли перья или дёргай редьку, только перестань прикрываться именем секты Пошо и дурить людям голову, не то я...

— Не то что! — раздался издалека громовой оклик. — Ты столь дерзок и непочтителен, ни во что не ставишь старших — тебя давно следовало с позором вытолкать вон из секты!

С обеих сторон взметнулся яростный вихрь, хлестнули яростные струи дождя. Владелец голоса двигался с невероятной быстротой, и пока говорил, уже оказался рядом. Перед ними предстал исхудалый, с птичьим лицом старый мечник. На спине его покоился длинный меч, а в руке он сжимал короткую ветвь. Бви брови его были сурово сдвинуты — казалось, этот человек люто ненавидел всё вокруг: и небо, и землю, и самого Цзян Чжо.

Цзян Чжо легонько постучал себя по плечу веером:

— Странно, как странно... Он не смог обнажить меч, но ты бранишь не его, а меня. Неужели его технике владения мечом обучал я?

Старый мечник рявкнул:

— Мерзавец! Как у тебя язык поворачивается говорить подобное?! Вы с ним из одной ветви, так ты не только не выказал ему почтения при встрече, но ещё и дерзишь! Ума не приложу, чему тебя только Учитель учил целыми днями!

Цзян Чжо вздохнул:

— Старший сородич Юэмин, раз уж на тебе всё ещё красуется Кольцо Огненной Рыбы, я по-прежнему считаю тебя наполовину сородичем по секте Пошо и лишь советую: отправляйся в путь — поменьше суйся в дела моей горы Бэйлу.

Цзян Чжо ответил:

— Буду я вмешиваться или нет — не тебе меня учить! Что ты ему только что сказал? Повтори-ка мне ещё раз про сорняки, перья и редьку!

Цзян Чжо знал, что нров у того буйный, как искра на пороховой бочке, чуть что — сразу вспыхивает:

— Ладно-ладно, раз ты расслышал не всё, повторяю: у него руки-ноги вялые, силёнок в теле ни

гроша, так что к «Вытягиванию Лезвия» он и близко не годен. Ему самое то сорняки рвать, перья щипать да редьку...

И верно, Цзян Чжо не ошибся: Цзян Юэмин судорожно сжал в кулаке короткую ветку:

— Ах так! Раз он не годен, так я-то гожусь?!

Он не стал обнажать висевший за спиной длинный меч, а лишь крепко перехватил правой рукой обломок ветки и применил «Вытягивание Лезвия». Листва на прутике даже не была полностью оборвана — казалось, её только что небрежно сорвали с придорожного куста. И всё же в руках мастера эта ничем не примечательная ветка превзошла по своей силе острое лезвие в добрую сотню раз.

Осязаемая волна ци меча, изогнувшись полумесяцем, пронеслась по окружности, срезая под корень деревья и горные выступы. Этот старик нёсся с горы подобно свирепому тигру, воплотив приём «Вытягивание Лезвия» с таким могучим размахом, что казалось, будто его клинок способен перевернуть реки и пронзить радугу!

Опасаясь, что ци меча заденет духов в его рукаве, Цзян Чжо тут же выкрикнул:

— Предел Знамений!

«Предел Знамений» — это техника укротителей духов, для которой обычно требуется очертить кругом участок с помощью соломы или верёвки. Заклинатель, находясь внутри этого круга, защищен от любых посторонних посягательств — нечто вроде барьера. Вот только для барьера требуются талисманы, а для Предела Знамений — нет.

Цзян Чжо полагал, что его полудохлый Предел Знамений рассыплется от малейшего удара, но к его удивлению, тот устоял. Дождавшись, пока бушующая ци меча Цзян Юэмина утихнет, Цзян Чжо завёл одну руку за спину, прикрывая рукав с призраками:

— Старший сородич, не виделись двадцать лет, а нрав у тебя стал ещё сквернее прежнего.

Прятавшийся до сих пор за спиной Цзян Юэмина человек подал голос:

— Раз ты зовёшь моего старшего брата сородичем, то и меня изволь звать дядей!

Цзян Чжо вовсе не собирался потакать его прихотям:

— Цзян Бай, Цзян Бай, Цзян Бай! Ну как, трижды назвал — полегчало тебе?

От ярости Цзян Бай едва не скрежетал зубами, но поделать с наглцом ничего не мог, а потому обратился к Цзян Юэмину:

— Старший брат! Это земли Управления Тяньмин, к тому же здесь знамения рассеяния божества, а он выходит из речных глубин — наверняка замышляет недоброе!

Забавный всё-таки человек: в годах уже, а чуть что — сразу бежит жаловаться старшему брату. Цзян Юэмин даже не глянул на него и холодно бросил:

— И что же ты предлагаешь?

Цзян Бай выпалил:

— Схватить его и взять под стражу неподалёку! Время не ждёт, нам с тобой ещё нужно спуститься к реке и проверить, что там с Минь-гуном.

Лицо Цзян Юэмина потемнело от гнева. Поступив на службу в Управление Тяньмин, он во всём и всегда был обязан подчиняться приказам, что и без того претило его гордому нраву. Услышав, как Цзян Бай торопит его спуститься к реке, он брезгливо швырнул ветку на землю:

— Раз тебе приспичило — спускайся сам!

Цзян Бай растерялся:

— А как же Цзян Чжо? Он же вечно делает по-своему!

Цзян Юэмин отрезал:

— Пока я стою здесь, посмеет ли он чинить препятствия?

Выслушав их перепалку, Цзян Чжо вклинился в разговор:

— Посметь-то посмею, но раз Минь-гун уже рассеялся, зачем вам туда спускаться?

Цзян Бай пояснил:

— В ведении Управления Тяньмин находится около тысячи различных божеств по всей округе. Когда божество рассеивается, мы обязаны изъять его именную табличку, вычеркнуть его имя из Книги Судеб, а заодно забрать его духовную энергию и останки. Разве ты не знал?

Конечно же, Цзян Чжо ничего об этом не знал — он на горе Бэйлу птиц считал да за обезьянами наблюдал, откуда ему ведать о том, что творится во внешнем мире? Всё, что ему было известно, Тяньнаньсин наскоро растолковал ему накануне отъезда.

Цзян Бай добавил:

— Мне докладывали, что этот Минь-гун бесчинствовал в окрестностях и пожирал людей, нагоняя страх на жителей городка. Поэтому в этот раз, помимо сбора его духовной энергии и костей, мы должны изловить всех призраков и духов, связанных с ним. А раз уж ты вылез из реки, не смей делать ни шагу с места!

Цзян Чжо сделал один шаг, за ним другой:

— А ты попробуй удержи меня.

Цзян Чжо разозлил Цзян Бая до такой степени, что тот едва не задохнулся, отчаянно надеясь, что Цзян Юэмин сейчас же свяжет этого сорванца и от души отходит его хворостиной. Однако Цзян Юэмин лишь упорно сверлил глазами Цзян Чжо:

— Что ты прячешь в рукаве?

Старик обладал поистине звериным чутье — даже сквозь ткань рукава уловил злобу призраков. Если бы не его упрямое стремление двадцать лет назад расколоть секту Пошо надвое, Цзян Чжо, пожалуй, искренне восхищался бы им.

Заметив, что Цзян Чжо молчит, Цзян Юэмин затаил ещё больше подозрений и шагнул к нему:

— Доставай!

Цзян Чжо завёл обе руки за спину и прикинулся дурачком:

— Ты про какой рукав спрашиваешь — про левый или про правый?

Цзян Юэмин потребовал:

— Вытягивай оба рукава, дай взглянуть!

Цзян Чжо кивнул и произнёс:

— Исполнение Приказа!

Ему было не одолеть Цзян Юэмина — если только Учителя позвать на помощь. А раз не можешь победить — беги без оглядки! Так говаривал его Учитель: получить тумачков от кого-то куда позорнее, чем улепётывать от погони!

Мгновенно уклонившись, Цзян Чжо трижды подряд повторил «Исполнение Приказа» и пропустил прочь, едва касаясь ногами земли. Цзян Юэмин остолбенел от неожиданности, а придя в себя спустя добрую палку чая, взревел:

— Никчёмный сопляк! Чему тебя только Учитель учил?! Перед лицом грозного врага секта Пошо никогда не отступает, только наступает!

Но Цзян Чжо и не думал слушать: он нёсся вперёд изо всех сил. К несчастью, Цзян Юэмин преследовал его по пятам с невероятной резвостью и в мгновение ока настиг беглеца. Протянув руку, он попытался ухватить Цзян Чжо за ворот сзади. Цзян Чжо применил «Внезапное Погружение», резко пригнулся, уворачиваясь от хватки, крутанулся на месте и отбил удар веером, продолжая улыбаться:

— Старший сородич, любая земная пиршественная трапеза рано или поздно кончается. Чего

ты увязался за мной? Неужто решил вместе со мной вернуться на гору Бэйлу?

Сами слова «гора Бэйлу» были для Цзян Юэмина всё равно что заноза в сердце. Стоило Цзян Чжо надавить на неё, как тот взбесился пуще прежнего:

— Что ты мелешь?! Я велю тебе выдать то, что ты спрятал в рукаве!

Цзян Чжо не растерялся:

— Там мой Учитель.

Цзян Юэмин замер на полуслове, и его голос задрожал:

— Т-ты... Твой Учитель...

И лишь тогда Цзян Чжо договорил фразу:

— Прислал мне весточку.

Потеряв дар речи, Цзян Юэмин почувствовал, как его сердце подпрыгнуло к самому горлу, и выругался:

— Ах ты паршивец, Тайфэн!

«Тайфэн» — вспомогательное заклинание секты Пошо, способное призывать свирепый бурный шквал. Едва Цзян Юэмин произнёс заклятье, как мощный порыв ветра ударил в Цзян Чжо, взметнув его прямо в воздух. От неожиданности один из призраков выскользнул из рукава и выпал наружу.

Цзян Юэмин взревел:

— Вечно ты промышляешь какими-то тёмными делишками! Неужто лишь для того, чтобы укрывать духов? Бесстыдник, павший на самое дно!

С этими словами он протянул руку, намереваясь схватить призрака.

Цзян Чжо никогда не нарушал данных людям обещаний. Раз он пообещал Минь-гуну пристроить призраков, значит, ни один из них не должен пропасть. Видя, что Цзян Юэмин не намерен отступаться, он был вынужден сложить веер и тоже выкрикнуть:

— Тайфэн!

Шквалистый ветер взвыл подобно ворвавшемуся в реку гровному дракону, взметнув до небес белые валы, и с такой силой обрушился на Цзян Юэмина, что того отбросило на несколько ли прочь! От увиденного даже сам Цзян Чжо остолбенел.

Конечно, он силен, но всё же не до такой степени!

Озадаченно глядя на веер, Цзян Чжо подумал, что сегодня каждое заклинание получалось на редкость мощным, словно бы ему помогали сами боги. Сначала он списывал это на влияние духовной энергии Минь-гуна, но теперь ему так не казалось. Подняв руку, он отогнул край рукава и увидел, что маленький бумажный человечек безмятежно лежит внутри:

— Это ты постарался?

Бумажный человечек лениво приподнял голову и тут же свалился обратно. Раскинув руки и ноги, он явно не желал выбираться наружу. В рукаве Цзян Чжо стоял мягкий тонкий аромат, навевавший сладкую дремоту.

Увидев, что Цзян Юэмина сдуло ветром, Цзян Бай засуетился, словно муравей на раскалённой сковороде, страшно переживая за старшего брата, и принялся вопить издалека:

— Ах ты мерзавец! Мерзавец!

Словами он и впрямь не блистал. Повторив с десятков раз ругательство «мерзавец», он одним людям приказал преследовать Цзян Чжо, а сам бросился на поиски старшего брата. На поляне воцарился полный кавардак.

Опасаясь погони, Цзян Чжо не хотел терять времени. Он поймал улетевшего призрака и, забыв про бумажного человечка, взмыл в воздух. Однако стоило ему пролететь над водной гладью, как он внезапно ощутил хорошо знакомую растерянность.

Как же велико это небо, как широка земля и куда же ведут все дороги!

Внезапная вставка автора:

Появляющийся точно по расписанию покорный слуга благодарит за чтение.

В следующей главе Тайцин сменит ник.

Леплю вас всех QwQ!

Трёхногая курица

Небо всё сильнее затягивало тучами. Прогуливаясь вдоль берега, Цзян Чжо на ходу вытащил из рукава два клочка бумаги и сложил их фигурками. Бросив поделки на землю, он скомандовал:

— Ну-ка, ступайте, разыщите младшую сестрицу.

Едва фигурки коснулись земли, как тут же захлопали крыльями и вприпрыжку умчались в чащу леса. Постояв немного на месте, Цзян Чжо извлёк на свет бумажного человечка и

поинтересовался:

— Братец, а ты так умеешь?

Только что воочию наблюдавшего за искусством оригами Цзян Чжо, бумажный человечек поспешно изобразил из себя крайнюю хрупкость — страшно ведь, если этот ненормальный вдруг решит сложить из него какую-нибудь диковинную зверушку.

Цзян Чжо невольно усмехнулся, гадая, в какие ещё вещицы, помимо бумажных человечков, тот способен вселяться. Не успел он задать этот вопрос, как из лесной чащи донёсся перезвон бубенцов. Звуки «динь-дон», «динь-дон» стремительно приближались, и вскоре из зарослей вынырнул Тяньнаньсин.

Цзян Чжо изумлённо протянул:

— Надо же, какая удобная вещица.

Волоча за собой цветочный паланкин, Тяньнаньсин с бесстрастным лицом произнёс:

— До этого там стоял сильный шум, я догадался, что явилось Управление Тяньмин. Раз мы на землях Чичжоу, объявиться могли только сородич Юэмин и дядя Цзян Бай. Когда вы начали драться, я как раз стоял неподалёку, а увидев, что ты убегаешь в эту сторону, последовал за тобой.

Цзян Чжо кивнул:

— Хорошо, слава богу, что ты не показался на глаза, не то сородич Юэмин снова стал бы уговаривать тебя перейти под его начало. Только вот кругом столько народу, с чего ты взял, что эту птицу выпустил именно я?

Тяньнаньсин бросил взгляд на скачущую и кружащуюся у его ног фигурку, и в его голосе прозвучали странные нотки:

— Я понял... просто все вы складываете птиц одинаково.

<http://bllate.org/book/19195/1885290>